

Доктор Дэвид де Сильва , Апокрифы, Лекция 1, Общее введение

© 2024 Дэвид де Сильва и Тед Хильдебрандт

Это доктор Давид де Силва в своем учении об апокрифах. Это занятие 1, «Общее введение».

Если вы протестант и кликнули на эту презентацию, вас уже можно поздравить.

Христианам-протестантам особенно приходится преодолевать изрядную долю предубеждений, чтобы заглянуть в апокрифы и начать видеть, что там. Прежде всего, позвольте мне сказать, что апокрифы, книги, составляющие апокрифы, представляют собой лишь небольшую выборку еврейской литературы, написанной, так сказать, в период между Заветами, примерно между 400 годом до нашей эры и первым веком нашей эры. Наряду с текстами, которые мы находим в апокрифах, есть много других произведений, таких как десятки книг, входящих в коллекцию и известных в, по общему признанию, ограниченных кругах, как «Псевдепиграфы», а также книги, найденные среди свитков Мертвого моря, особенно не-библейские книги среди свитков Мертвого моря.

Не говоря уже о сочинениях Иосифа Флавия и Филона среди других подобных текстов. Итак, существует большой корпус, большой объем еврейской литературы, относящейся к этому периоду между Заветами. А апокрифы можно идентифицировать как собрание только из-за практики чтения христиан на протяжении веков.

Именно то, как эти тексты выделялись Церковью на протяжении веков, позволяет нам вообще говорить об апокрифах. Теперь, в свете этой практики, термин «апокрифы» с протестантской точки зрения относится к тем книгам, которые являются частью римско-католического и православного Ветхого Завета, но не рассматриваются протестантами как часть Ветхого Завета. Термин «апокрифы» происходит от греческого слова, означающего «скрытые вещи».

Таким образом, очевидно, что апокрифы отражают протестантский взгляд на эти тексты. Одни и те же книги назывались бы второканоническими книгами в римско-католических или православных христианских общинах или просто назывались бы частью Ветхого Завета. Слово второканонический, второй канон, не будет использоваться для обозначения второсортного канона, а просто канона, который возник после книг, согласованных евреями, протестантами, католиками и православными как часть Ветхого Завета.

Другими словами, это, по общему признанию, более поздняя группа произведений, которые, тем не менее, составляют часть канона. Второканон не

более подразумевает неполноценность других канонических книг, чем Второзаконие предполагает неполноценность этого утверждения закона по сравнению с более ранним утверждением большей части того же материала в Исходе. Я уже упоминал, что протестантам часто приходится преодолевать изрядную долю предубеждений, чтобы даже читать эти книги, или думать, что им следует интересоваться тем, что в этих книгах.

Многие из людей, с которыми я беседовал об апокрифах, похоже, исходят из предположения, что эти книги были проверены христианами, признаны недостаточными и оправданно исключены из канона, потому что они не имеют внутренней ценности или потому что они даже вредны и извращают и искажают ощущение истины читателем. Иногда это просто результат сохраняющихся предубеждений, которые многие протестанты могут испытывать в отношении католиков и других христианских общин. Эти книги — это то, что они читают, а не то, что читаем мы.

Мой собственный опыт общения с апокрифами несколько иной. Я вырос в епископальной церкви, и в англиканской общине по всему миру мы можем смотреть на эти книги не как на Священные Писания, но и как на небиблейские одновременно. Мы могли бы даже услышать, как некоторые из этих текстов читаются в церкви, осознавая, что они не являются Священными Писаниями, но также осознавая, что они являются неотъемлемой частью традиции, переданной церковью.

И я сам был удивлен, узнав, с каким уважением протестантские реформаторы отнеслись к этим книгам. Мы с Мартином Лютером обсудим это более подробно в одной из следующих лекций, но Мартин Лютер был настолько высокого мнения об этих книгах, что, когда он выпустил свою немецкую Библию, он перевел их. Если ваша цель — заставить прихожан перестать читать тексты, вы не переводите их и не делаете доступными на родном немецком языке.

Примечательно, что, когда он опубликовал свою немецкую Библию, он отделил книги апокрифов от Ветхого Завета и поместил их между Ветхим и Новым Заветами. Сигнал о том, что они не соответствуют Священному Писанию, но сам факт того, что он перевел их и поместил туда, также сигнализировал о том, что он считает их, по его собственным словам, полезными и приятными для чтения. Точно так же английская Реформация заняла такую умеренную позицию в отношении апокрифов.

В 39 статьях религии, которые в основном определяют параметры веры для англиканской общины, апокрифические книги, с одной стороны, явно не должны ставиться на уровень канонических писаний, а с другой стороны, выдвигаются на уровень канонических писаний. быть, цитировать, читать

примеры из жизни и воспитания манер. Даже швейцарские реформаторы Ульрих Цвингли и Жан Кальвин высоко ценили эти книги, давали переводы этих книг в своих местных Библиях и хвалили их за то, что они содержат, цитируют, но в переводе, много истинного и полезного. Не все верно и полезно, но многое верно и полезно.

Так что, с одной стороны, их повысили. С другой стороны, с некоторой осторожностью. Но давайте на минутку будем честными. Большая часть того, что мы, христиане, читаем, представляет собой неканоническую литературу, и в ней, вероятно, больше ошибок, чем в апокрифах.

Например, я думаю о своем последнем каталоге от христианских книгораспространителей. Там много всего. Давайте будем честными. Это намного дальше от простого откровения книг, которые мы бы назвали книгами Священных Писаний, чем все, что вы найдете в апокрифах.

Итак, мне кажется, что свидетельство Церкви в целом, под которой я имею в виду не только Римско-католическую и Православную церкви, но также и классических реформаторов, состоит в том, что мы, как протестантские читатели, должны принять неприятно читать апокрифы, и даже читать их до выхода последней книги Макса Лукадо, или Джойс Майерс, или Т. Д. Джейкса, или кого-то еще. Теперь давайте вместе в этой вводной лекции кратко подумаем, откуда взялись эти книги. Все это еврейские тексты.

Некоторые из них происходят из Иудеи или Иудеи и были написаны примерно между 200 г. до н. э. и 100 г. н. э. Однако некоторые книги происходят из еврейских центров диаспоры. Некоторые, вероятно, прибыли из таких мест, как Александрия или где-то в окрестностях Сирии и Киликии, на территории нынешней южной части Турции и, конечно же, из современной Сирии, где существовали большие еврейские общины. Некоторые, возможно, также были выходцами из восточной диаспоры.

Все они были написаны либо на иврите, либо на греческом языке. Итак, в этой коллекции мы имеем своего рода репрезентативную выборку голосов еврейских авторов со всего еврейского мира. Будь то то, что мы могли бы назвать Израилем-Палестиной или более крупная территория Средиземноморья или Леванта.

И я думаю, мы могли бы сказать, что все книги апокрифов относятся к периоду примерно между 300 г. до н. э., и это очень щедро, возможно, между 250 г. до н. э. и 100 г. н. э. Итак, у нас действительно есть своего рода стилизация репрезентативных окон в то, что представляет собой иудаизм. Было так во всем тогдашнем еврейском мире в этот период между Заветами. Как я уже упоминал ранее, единственная причина, по которой мы говорим об апокрифах как о

сборнике, — это практика чтения христианской церкви на протяжении веков. Эти книги и их место в христианской церкви, как мы более подробно рассмотрим позже, всегда были своего рода вопросом.

Христиане всегда спрашивали, должны ли мы следовать еврейскому канону, что и делают протестанты, более короткому канону, который люди первого века назвали бы 24 книгами, но мы перечисляем по-другому, потому что мы считаем всех малых пророков отдельно, и что вы имеете. Или нам следует включить книги, которых нет, но которые ранние христиане нашли полезными? И явно использовали в качестве ресурсов. Так что, во всяком случае, христианские практики чтения, даже если они были напряженными дискуссиями, дали нам эту коллекцию, и я бы даже сказал, что я выбрал эти тексты из этого огромного богатства еврейской литературы как особенно ценные для христиан, чтобы их знать и читать.

Что содержится в апокрифах? Мы находим книги, относящиеся к самым разным жанрам и видам литературы, и одним особенно хорошо представленным жанром являются расширения и пересказы библейской истории. В конце Вторых Паралипоменон у Ездры и в одной главе Неемии мы найдем книгу, которая сейчас известна как Первая Ездра, которая, по сути, дает нам еще одну версию, пересказ материала, который мы могли прочитать. Так вот, своего рода другая версия этой истории, а между прочим и пересказ библейского сюжета, был популярным видом литературы в этот период.

Мы также найдем разные версии книг, известных нам по протестантскому канону. Например, в апокрифах есть другая версия Эстер. Версия, знакомая протестантам, переведена с иврита и значительно короче греческой версии Эстер.

Итак, в некоторых изданиях апокрифов мы увидим это как дополнения к Есфири, где этот дополнительный материал просто был как бы извлечен и представлен. Но это вводит в заблуждение, потому что вся Эстер на греческом языке другая. Прочитав книгу «Эстер», знакомую протестантам, вы удивитесь, насколько религиозной является книга «Эстер» по-гречески.

Бог, молитва и признаки еврейского благочестия встречаются во всей греческой книге Эстер, а не только в дополнительных разделах. В апокрифах можно также найти более толстую версию Даниила. То есть, версия Дэниела с восстановленными удаленными сценами, если можно так выразиться.

Начинает книгу история Сусанны, еврейской девушки, которой угрожают коррумпированные судьи. И история о развенчании Даниилом двух иностранных культов, культа Бэла и культа дракона. Этот сборник, а также

история о третьем Данииле, трех юношах в печи, дополнены прекрасными литургическими стихами.

Сначала в уста Азарии была вложена покаянная молитва, а затем в уста всех троих вложен пространный благодарственный псалом. Есть также некоторые другие расширения или, лучше сказать, тексты, вдохновленные историей Священных Писаний. Например, молитва Манассии, красивый покаянный псалом, вдохновленный, конечно же, историей Манассии, худшего царя в истории Иудеи.

Из-за чьих преступлений просто не было пути назад от проклятий Второзакония, обрушившихся на Иуду и проявившихся в опустошении Навуходоносором Иерусалима и ее храма. Затем к числу 150 был добавлен 151-й псалом, в котором другие эпизоды жизни Давида получают своего рода литургический момент, а именно его избрание над братьями и поражение Голиафа. В состав апокрифов включены две очень важные исторические книги.

Это 1 и 2 Маккавеи. Это, пожалуй, наши самые, ну, пожалуй, самые важные свидетели бурных и эпических событий 175–141 годов до нашей эры в Иудее. Это был период, когда на повестке дня стоял сам вопрос еврейской идентичности.

Будем ли мы и дальше оставаться соблюдающими Тору, отличными, непохожими и в глазах отсталого народа нашего повелителя? Или мы ассимилируемся и поместим себя на международную карту, став подобными нациям? Это также период, когда после примерно 400 лет иностранного господства Израиль снова стал независимым государством на короткий период около 80 лет под властью династии Хасмонеев, более известной своей ролью в руководстве восстанием Маккавеев. Итак, события, описанные в этих двух книгах, действительно оказывают длительное влияние на еврейскую идентичность. Проблемы и варианты, возникающие в этой истории, интересным образом повторяются на протяжении всего периода Межзавета и Нового Завета.

Например, зелоты, с которыми вы, возможно, знакомы из еврейской истории I века, уходят своими корнями в такое рвение к Торе, которое проявилось, например, в насильственном движении сопротивления, восстании Маккавеев. В этой коллекции также есть несколько книг мудрости, или, если бы мы расширили ее, мы могли бы также сказать, обучающие книги. Возможно, одной из самых влиятельных и важных книг апокрифов является «Мудрость Бен-Сиры», которую также иногда называют Сирахом или Экклезиастиком.

Это очень объемный сборник материалов, который очень напоминает Притчи Ветхого Завета, но явно в гораздо более развитом виде. Например, в то время

как Притчи, хотя большая часть Притч состоит из отдельных изречений, Бен Сира состоит в основном из пяти-десяти разработанных блоков стихов, многие из которых, однако, имеют свое ядро в Книге Притчей. Итак, «Мудрость Бен-Сиры» дает нам своего рода более позднее развитие того, как выглядела традиция мудрости в Израиле примерно в 200 г. до н.э.

Есть еще одна книга под названием «Мудрость Соломона». Теперь, в то время как Мудрость Бен-Сиры показывает нам мудрость, основанную на Иерусалиме в 200 г. до н.э., Мудрость Соломона показывает нам мудрость, основанную на евреях диаспоры, возможно, от 50 г. до н.э. до где-то около 30 г. н.э. Труднее датировать эту конкретную книгу.

Многие ученые скажут, что «Премудрость Соломона» показывает нам мудрость египетского еврейства, возможно, даже еврейской общины, живущей в Александрии. Мы также находим книгу под названием Варух, которую приписывают писцу Иеремии под этим именем. А «Барух» — интересная смесь жанров.

Частично это покаянная литургия, частично поэма мудрости, частично пророчество о том, как тяжелое положение Сиона, тяжелое положение Иерусалима будет обращено вспять в Божьем добром будущем. У нас есть очень короткая книга под названием «Письмо Иеремии», которая в старых сборниках апокрифов представляет собой просто последнюю главу Варуха. А «Письмо Иеремии» — это, по сути, тирада против идолопоклоннической религии.

Его цель проста: сделать так, чтобы евреи, живущие среди людей, поклоняющихся идолам, были защищены от последствий того, что большинство людей вокруг них участвуют в такого рода поклонении и, возможно, склоняются к тому, чтобы присоединиться к ним. Может быть, мне интересно, есть ли у них там что-то, к чему мне следует быть более терпимым или даже принять? И мы также нашли бы то, что, вероятно, лучше всего назвать философским трактатом. Возможно, даже технический термин — это протрепетический дискурс, который означает дискурс, продвигающий определенную философию, продвигающую определенный образ жизни.

В данном случае пропаганда еврейского образа жизни в терминах, которые были бы легко понятны греческому философскому дискурсу. Мы также находим ряд произведений, которые я мог бы назвать вдохновляющей фантастикой. Это будут книги Товита, Юдифи и Вторая Маккавейская.

Товит рассказывает историю еврея из диаспоры, который был увезен в Ниневию во время ассирийского завоевания, и дает нам представление о некоторых проблемах, с которыми он столкнулся. Но более того, это история о том, как

благочестивый образ жизни приводит к своевременной божественной помощи и избавлению. Между прочим, это также прекрасный взгляд на этику того периода.

«Юдифь» — история иного рода. Юдифь — это история женщины, которая использует свои особые чары, чтобы освободить свою деревню от осады одного из полководцев Навуходоносора, генерала Олоферна. Он полон исторических ошибок, которые почти кричат древнему читателю, что это вымысел.

Это фантастика. Но даже в художественном произведении рассказывается о том, что Божья честь будет подтверждена Богом с помощью любого средства, которое Бог может использовать. И сексистская, хоть это и женская рука.

И это, кажется, последнее слово книги. Бог избавит даже рукой женщины. В-третьих, «Маккавеи» возвращают нас к Диаспоре, в частности, к тяжелому положению евреев в Александрии, Египет, после того, как греческий царь египетской территории, Птолемей того времени, получил отпор в Иерусалиме.

И это просто еще одна история божественного избавления тех, кто показывает себя верным завету, даже когда именно верность завету и приводит их в затруднительное положение со светскими властями. В сборник апокрифов, который сейчас печатается, входит также один апокалипсис, известный как Вторая Ездра. И, конечно же, подробнее об этом мы поговорим в одной из будущих лекций.

Но Вторая Ездра на самом деле представляет собой составной текст трех разных книг. В основе его лежит еврейский апокалипсис, также известный как Четвертая Ездра, написанный после разрушения Иерусалима в 70 г. и его храм, который будет разрушен теми, кто гораздо меньше заботится о Боге и Его законе, чем евреи. Это своего рода аргумент, который говорит: я знаю, что мы были плохими, но они были намного хуже.

Как ты мог позволить им растоптать нас? И как можно было позволить им, римлянам, продолжать процветать? Итак, в диалоге между Эзрой и ангелом по имени Уриил эти вопросы прорабатываются в результате того, что соблюдение Торы как осмысленный образ жизни и как способ войти в жизнь вечную вновь становится единственным разумным путем вперед, несмотря на национальные несчастья. Я бы сказал, что сборник апокрифов — это очень ценный сборник, который все христиане могут прочитать, ознакомиться и даже изучить более глубоко. Это не длинная коллекция.

Это не длиннее Нового Завета. На самом деле, апокрифы можно было бы прочитать менее чем за 30 часов, а если бы потребовалось 40 часов, то можно

было бы прочитать их медленно и весьма вдумчиво. Это не огромная инвестиция в жизнь.

Но, по крайней мере, мы можем сказать, что апокрифы предлагают нам ценные окна в межзаветный иудаизм. И это, я думаю, имеет первостепенное значение для людей, изучающих Новый Завет. Одна из аналогий может быть такой.

Если бы вы были экспертом в истории церкви, от ее истоков до Реформации, и больше ничего не знали после этого, как бы вы поняли современную церковную сцену? Ты мог бы, вроде. Но если бы вам нужно было знать только историю церкви до 1500 года, вы бы совершили много ошибок. Можно сделать много предположений о том, что вдруг произошло в 21 веке.

Но если бы вы знали то, что произошло между 1500 и 2000 годами, вы бы гораздо яснее увидели, откуда взялось христианство XXI века, на что оно опиралось, что было нового, а что потом оказалось не таким уж новым. , а что у тебя. Вы бы поняли, и у вас была бы основа для понимания многих противоречий, которые вы видите в христианстве 21-го века, которых у вас просто не было до 1500 года. Храмовый иудаизм в более широком смысле заполняет тот существенный пробел, который позволяет нам, если мы изучаем Новый Завет, действительно увидеть полную картину того, как иудаизм дошёл до той точки, из которой выросла церковь, а также то, какими были ранние христиане. опираясь на то, как они боролись и искали, как мотивировать верный ответ на вызовы первого века.

Итак, мы открываем окно в межзаветный иудаизм, не последним из которых является история того периода. В этой связи я упомянул Первую и Вторую Маккавеи. Окна в развитие теологии закона и завета.

Действительно удивительно видеть, как богословие завета, уже сформулированное в Ветхом Завете, адаптируется, поддерживается и, несмотря на определенный опыт, укрепляется, чтобы богословие завета могло продолжаться. Например, что происходит, когда кажется, что послушание завету действительно приводит к проклятиям завета? Не долгая жизнь и благословение, а короткая жизнь и смерть от пыток. Как нам по-прежнему подтверждать Второзаконие и его обещания, если это пережили евреи? Апокрифы дают нам представление о том, как евреи поняли это и смогли ответить на эти вызовы, чтобы вновь подтвердить Второзаконие и его взгляд на историю как значимую основу для жизни и принятия решений.

В этой литературе мы получаем очень полезные сведения об отношениях между евреями и язычниками, которые, откровенно говоря, гораздо более актуальны для первого столетия, чем отношения между евреями и язычниками, например, при завоевании Ханаана. Мы увидим, почему греки и римляне косо

смотрели на евреев, как они думали о еврейских общинах в своей среде, и как эти еврейские общины справлялись с этими предрассудками и могли противостоять давлению, которое на них оказывалось, чтобы оставаться верны пути своих предков. А также, возможно, не случайно, но очень важно, те виды напряженности, которые существовали внутри еврейской общины из-за различных побуждений реагировать на внешний мир по-разному: ассимиляция против сохранения нашей наследственной идентичности и границ, несмотря на те неудобства, которые могли возникнуть.

Мы находим очень полезные окна в основные социальные практики и аспекты культурного контекста этих столетий между возвращением из изгнания и рождением ранней церкви. Например, в Бен-Сире мы находим множество окон в дружбу, отношения покровителя и клиента и тому подобные вещи, которые представляют собой реальное развитие и отклонение от того, с чем мы могли бы столкнуться в Ветхом Завете. Итак, мы многое узнаем о повседневной жизни евреев в Израиле и Палестине, например, в этот период.

А также свидетели благочестия и религиозной практики того периода. Одно дело смотреть на соблюдение Торы или смотреть на храмовый культ и жертвоприношения через призму Нового Завета, который в значительной степени отвергает все это. Другое дело — смотреть на это через призму набожных евреев, которые находят все это очень значимым и очень обогащающим.

Мы сможем лучше оценить то, что происходит в Новом Завете, если у нас не будет карикатурного взгляда на соблюдение Торы, храмовые жертвоприношения или что-то еще, но у нас будет взгляд изнутри на то, какое значение имеют эти вещи. Почему, что поставлено на карту, когда возникает вопрос: следует ли нам позволять евреям и язычникам есть вместе, как, например, в Антиохии, или нет? Итак, помимо того, как апокрифы открывают нам мир межзаветного иудаизма, я думаю, что это также важное чтение для христиан, для всех христиан, потому что они обеспечивают важную основу для учения Иисуса и для авторов Нового Завета. Завещание. Действительно, в Новом Завете нет явного повторения отрывка из апокрифической книги.

Однако между тем, что мы находим в Новом Завете, и тем, что мы находим в апокрифах, существует множество резонансов. Даже материал, который не мог быть взят из Ветхого Завета. Это явно новое явление со времени закрытия Ветхого Завета.

Достаточно резонансов, которые позволяют предположить, что даже если автор Нового Завета не читал напрямую ни одну из книг апокрифов, апокрифы открывают нам путь к более широкому пулу культурных знаний, религиозных знаний, этических знаний, которые также черпали авторы Нового Завета. на.

Кроме того, я всегда рекомендую читать апокрифы своим ученикам, потому что это ресурс, который христианская церковь в самые первые века своего становления считала ценным для некоторых очень важных аспектов своего развития и существования. Независимо от нашей позиции относительно канонического статуса апокрифов сегодня, бесспорно, что тексты апокрифов сыграли большую, значительную роль в развитии ранней христологии или в развитии учения о Троице.

Итак, чтобы понять некоторые из этих существенных разработок раннехристианской теологии, можно даже сказать, основные, нужно также иметь доступ к тем текстам, которые раннехристианские богословы выдвигали напоказ, когда говорили о том, кем был Иисус до Воплощения. Кроме того, можно обнаружить, что христиане опираются на тексты апокрифов в своей апологетике, причем не столько апологетики, направленной на евреев-нехристиан, сколько апологетики, направленной на нехристиан язычников. Полемика против идолопоклонства, которую можно найти, например, в «Письме Иеремии» и «Премудрости Соломона», снова проявляется в защитных речах, так называемых апологиях христиан второго века, таких как Иустин Мученик, Афинагор и другие.

Так что это был полезный инструмент, по крайней мере, в этом отношении. Христиане все чаще сталкивались с мученичеством во втором и третьем веках. Поэтому, возможно, неудивительно, что христиане того периода, столкнувшись с гонениями, черпали вдохновение в историях еврейского мученичества.

Этих историй о еврейском мученичестве нет в Ветхом Завете. Они встречаются в апокрифах, особенно во 2-й и 4-й книгах Маккавеев. Таким образом, эти две книги выступают в качестве очень важных ресурсов, например, в призывах Киприана или Оригена к мученичеству, помогая христианам принести высшую жертву ради благочестия перед Богом и свидетельства о Боге.

Наконец, можно увидеть изрядное влияние со стороны апокрифов, развивших раннехристианскую литургию. Это особенно верно в восточно-православных общинах. Например, здесь весьма примечательно влияние Премудрости Соломона.

Но также молитвы и псалмы, которые можно найти в апокрифах, некоторые из них, я бы сказал, с самого начала стали основными элементами раннехристианской литургической практики. Наконец, я бы предположил, что апокрифы предоставляют нам этическую и религиозную литературу, имеющую ценность сама по себе. В этих книгах мы находим ответы, например, на вопросы о том, что значит жить с целью вечности, а не только этой жизни.

Это вечная проблема. Я имею в виду здесь, например, Премудрость Соломона, превыше всех остальных. Нам, христианам, необходимо регулярно принимать решения.

Собираемся ли мы жить ради удовлетворения в настоящем или ради оправдания перед Богом тогда и в будущем? А апокрифы решают этот вопрос и помогают нам в этом разобраться. В апокрифах мы находим книги, которые помогают нам укрепить ценность укрощения и преодоления наших импульсов и желаний, а не удовлетворения их, чтобы мы могли более искренне и с большей честностью посвятить себя воплощению в жизнь тех обычаев и тех добродетелей, которые Бог одобряет и желает. увидеть в нас. У нас есть тексты, которые помогают воспитать прощение, щедрость и другие подобные милости в отношениях, а также несколько прекрасных примеров личной молитвы, исповеди, покаяния, хвалы и прошения.

По всем этим причинам христиане любого рода имеют веские основания углубляться в апокрифы, не опасаясь того, что мы там найдем, а читая их просто с той же разумной проникательностью, которую мы применяли бы ко всему, что читаем за пределами нашего библейского канона. Если мы займемся этим, мы, безусловно, обогатимся во многих отношениях, исторических, этических, религиозных, а также в нашем понимании того, откуда наши предки в вере, начиная с авторов Нового Завета, черпали часть своего вдохновения и материал.

Это доктор Дэвид ДеСильва в своем учении об апокрифах. Это занятие 1, «Общее введение».